

ЮЛИЮ КИМУ — 60 ЛЕТ

«Все дело в русском языке...»

Юлий Ким. Фото М.Гохмана.

Шестидесятикам — по 60.
Вот настал черед и Юлия Кима.
Впрочем, это неудивительно.
Кто из двадцатых,
Кто из тридцатых,
Все — из пятидесяти шестых... —

как остроумно заметил сам юбиляр. Именно тогда, в 56-м, и появилось поколение шестидесятников.

— По-моему, — говорит Ким, — развенчание сталинского культа для нашей истории переоценить трудно. Оттуда пошло повальное, тотальное инакомыслие, соответственно, и новые потребности в искусстве, во всем. Шестидесятые были годами огромного культурного бума, это был взрыв по всем направлениям: поэзия — целая гроздь имен, проза, театр, кино, живопись...

Интересно, что в перестроечные времена такого взрыва не было. Ведь большую часть опубликованных тогда «сенсационных» материалов мы читали раньше в самиздате.

Авторская песня — ровесница самиздата.

Так пойдем разопьем поллитровку
Под прелестные песни Высоцкого!
Подарю вам такую листовочку!

А я вслух почитаю из Бродского! — обмениваются репликами два студента из старой кимовской песни.

Повеселиться по поводу власти — это было всегда в крови. Всему начало положил Визбор песней про технолога Петухова. Его слова: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей...» стали народными.

Мой первый песенный фельетончик назывался «Весенняя вода» и относился впрямую к встрече Хрущева с интеллигенцией 8 марта 1963 года. Он топал ногами на Некрасова, Евтушенко, Эренбурга, нес какую-то несусветную чушь. Сейчас ту песню нужно расшифровывать. Большинство ничего не поймет.

А почему бы и не издать своего рода академическое собрание самиздата с серьезными комментариями, как издают анекдоты Пушкина, например? Только вместо примечания, скажем: Болдырев Аркадий Африканьч, петербургский плац-майор, составивший себе состояние удачным карточным выигрышем... поместить такой: Баранов, полковник КГБ, составивший себе имя слежкой и охотой за беззащитными диссидентами... Занятная бы книжка получилась.

Сначала писалось весело, потом все горше и горше вплоть до последней из этой серии — «Моя матушка Россия».

Сказать, чтобы я занимался таким сочинительством, помогая славному движению, никак не могу. Песни просто выскакивали по мере поступления событий. Больше всего их я сочинил, по-моему, в 1968 году. Было это на подъеме всеобщего протеста, в котором я принимал не только песенное участие. Я написал несколько криминальных писем. Потом они инкриминировались и Петру Якиру, и Илье Габаю. До меня все-таки лапа не дотянулась...

Потом, даже отойдя от активной диссидентской деятельности, Юлий продолжал помогать кому советом, кому деньгами.

Ну в этом ничего особенного нет. Этим занимались очень многие. Актер Калягин, например, прятал архив с моей подачи, крамольнейший архив. Знаменитый математик Юрий Манин, он сейчас, кажется, член-корреспондент, давал деньги и помогал семьям правозащитников. Этим занималось множество самых разных людей...

Может, конечно, ничего особенного и нет. Но сам-то Юлий Ким из-за этого превратился в Ю. Михайлова, а концерты

его (весьма редкие, кстати) всегда становились «вечером встреч» находившихся на свободе диссидентов.

Но вернемся к авторской песне.

Она опирается прежде всего на народский фольклор. Возьми творчество Высоцкого и Галича — все интонации оттуда. Кроме того, чтобы передать новое мироощущение, потребовался новый жанр. А развился он широко, знаешь, почему? Нигде в мире нет такого обилия графоманов, как в России. Их всегда было море: и при Советов, и после Советов, и до Советов. Когда появилась авторская песня, появились и песенные графоманы. Они и составляют эти КСП по всем городам России, а теперь уж и Израиля. А из этой среды уже путем естественного отбора возникают имена большего или меньшего калибра. Так оно и будет продолжаться. «Эту песню не задушишь, не убьешь».

Кима знают и любят везде. Только что прошли его гастролы в Израиле: свыше двух десятков концертов за неполный месяц, и каждый раз — переполненные залы.

Кима нужно не только слушать (в конце концов слушать можно и записи, благо их предостаточно — и магнитофонных лент и компакт-дисков), нет, его нужно обязательно видеть.

Юлий Ким — это театр. Серия его компакт-дисков, недавно вышедшая в Москве, так и называется: «Театр Юлия Кима». Это театр импровизации, где действие рождается и протекает на наших глазах. Театр остроумного, самобытного и смелого автора.

Ну, скажите на милость, какой поэт осмелился бы читать свои ранние, юношеские стихи, которые и сам он уже считает незрелыми? Юлий поет свои самые старые песни, сопровождая их такими убийственными комментариями, что самому придирчивому критику там нечего делать. И публика оценивает это по достоинству.

С таким юмором относиться к себе может только большой талант. Впрочем, по-моему, это и есть главный секрет Юлия Кима. Он необыкновенно талантлив. И своеобразен. Впрочем, как и его публика.

Практически я не замечаю разницы в публике ни в Харькове, ни в Петербурге, ни в Израиле, ни в Америке. Я выступаю,

как правило, перед любителями этого жанра и, более того, перед любителями этого жанра в моем исполнении. Есть, конечно, небольшие колебания, которые я учитываю, но эти нюансы несущественны, потому что передо мной сидит поколение шестидесятников и их дети. Последнее время, правда, стало появляться больше молодых людей — вероятно, они приходят послушать мои песни, и не только мои, потому что рок-музыка образованных детей уже не устраивает или, вернее, устраивает, но не полностью, хочется им чего-нибудь нашего, душевного...

Мне кажется, что значительная часть этой «новой» публики знает не только Кима-барда, но и Юлию Михайлова — автора песенного сопровождения к большинству наиболее интересных кино- и телефильмов двух последних десятилетий, таких, как «Красная шапочка» и «Двенадцать стульев». «Бумбараш» и «Обыкновенное чудо», «Дом, который построил Свифт» и «Ярославна — королева Франции».

В театр я въехал совершенно органично. Мне всегда очень нравилось подражать, передразнивать, стилизовать, имитировать тот или иной слог, тип человеческий. Началось все в 1967 году:

17 вокальных вещей, написанных для спектакля Пети Фоменко — комедии Шекспира «Как вам это нравится». Через год — «Недоросль».

А дальше песни Ю. Кима запели герои Мольера, Гайдара, Сервантеса, Горина, Костера, Воннегута...

Однако и такое многообразие не устраивало автора. Появились стихи.

Существует заблуждение, что бардовские тексты — те же самые стихи. Стихотворные и песенные тексты — это не одно и то же. И то и другое есть поэзия, но это совершенно разные вещи по своей природе, структуре. И если в песне возможны «Ой, ля-ля», «Отвори, затвори», то на бумаге они совсем не смотрятся.

Существует и обратное явление. Когда ищут музыкальное соответствие текстам известных поэтов, далеко не всегда это получается. Бродский, говорят, просто терпеть не мог, когда кто-то начинал писать музыку на его стихи. И Кушнер тоже. Они считают, что у стихов есть своя музыка, которая ни в каких сопровождениях не нуждается, и они правы, хотя всегда есть что-нибудь на грани...

Время от времени и я пишу просто стихи, а не песенные тексты. Кроме того, я увлекаюсь драматургией, есть даже у меня пара киносценариев. Но, пожалуй, главным осталось для меня сочинение песен разных жанров, вплоть до молитв и народных заклинаний. Это главное мое дело. Хотя продолжаю заниматься и пьесами.

А когда мне говорят, что песни у меня получаются лучше, я отвечаю своей песней:

Жил-был сапожник славный.
Он песни сочинял,
Причем гораздо хуже,
Чем обувь починял.
Прекрасно все обуто,
Подметкам сносу нет,
А он чихал на это,
Он складывал куплет:
«Тра-ля-ля, у-лю-лю
Уго-уго-во».
И дальше вроде этого,
Не более того.

И вот, когда он помер,
Сложились, кто что мог,
И сделали надгробье:
Мраморный сапог.

Но наш сапожник славный
Из гроба ночью встал
И снес сапог на свалку,
Очистив пьедестал.
И водрузил гитару,
Хотя, свидетель Бог,
Подметки мог он делать,
А песенки не мог.

Одно театральное достижение Кима мне представляется абсолютно бесспорным. Это «Московские кухни» — спектакль в песнях, который вполне можно назвать «энциклопедией диссидентской жизни».

Есть у меня и несколько драматических сюжетов, к которым никак не приступлю. Очень хочется их воплотить. Это раз. Второе. Хочется попробовать себя в беллетристике. И еще, мне очень хочется поработать в песне. Как ни странно, я давно песен не сочинял. А вот о стихах совершенно не думаю, но они всегда сваливаются на меня неожиданно, как, например, осенью прошлой, когда меня кондрашка чуть не хватилась. Я валялся в больнице и за месяц с небольшим сочинил 60 стихотворений.

Такая «боткинская осень» была.

И, конечно, мне ужасно хочется, чтобы спокойно мог ездить хоть в Израиль, хоть в Америку, хоть во Францию не зарабатывать деньги, не выступать с концертами, а так, в гости. Может быть, поработать над чем-нибудь, повидать друзей, посмотреть страну и, главное, поменьше выступать. А то тащусь за своей гитарой, как Толстой за плугом...

Ничего не поделаешь — это тоже реалии современной российской жизни. Думаю, что многие не поверят, узнав, что знаменитый, популярный и известный Юлий Ким живет вместе с женой, дочкой и внучкой в двухкомнатной квартире.

В самом конце я приготовил такой вопрос: «Вот я, еврей, беру у тебя, корейца, в Иерусалиме интервью для парижской газеты «Русская мысль». Что же нас всех связывает?»

Но не задал, потому что прочел ответ в его новой книге:

Все дело в русском языке,
Он наша родина и поприще
Нюансов слишком тонких, чтоб еще
Нашлись такие вдалеке.
А те, которые далече,
Чем живы в стороне чужой?
Не социальной средой,
Не воплощенною мечтой,
А лишь наличьем русской речи,
Внимаемой от встречи к встрече.

Интервью вел
ИГОРЬ КОГАН

Иерусалим

наталья горбаневская
НАБОР

новая книга стихов
(март 1994 — февраль 1996)
Москва ◆ АРГО-РИСК ◆ 1996
48 стр.

Продается в московских
книжных магазинах
«Салон 19 октября»
(1-й Казачий пер., 8)
и «Гилея» (Знаменка, 10)